

Дэвид Ван

4 РУКИ

18+

Дэвид Ван

4 руки. 18+

«Издательские решения»

Ван Д.

4 руки. 18+ / Д. Ван — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831626-5

Прошло много времени с Ее смерти, и легкие детектива Марка Миткинса успели пропитаться воздухом этого грязного города лжи, страха и смерти. Однако здесь еще будет немало сюрпризов, с которыми ему придется столкнуться. А также много историй, которыми он с удовольствием поделится с читателем.

ISBN 978-5-44-831626-5

© Ван Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	31
Глава 11	32
Глава 12	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**4 руки
18+
Дэвид Ван**

© Дэвид Ван, 2016

© Евгений Лесниченко, фотографии, 2016

© Наталья Соколова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1626-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я вырос в тихом городке с обычными уютными домиками и уличными фонарями, которые зажигались всегда вовремя. Мне нравилась эта никуда не девающаяся постоянность. Это угождало моему зарождающемуся чувству перфекционизма. Часто из окна своей комнаты или на прогулке с родителями по вечерам я любил заглядываться на них, представляя, что внутри фонарей живут маленькие человечки в крохотных соломенных шляпах.

Я вырос в одном из уютных домиков, обшитых смугло-коричневыми досками, с обычными голубыми ставнями, напоминающими на фоне этих досок маленькие кусочки осеннего неба, которые нагло оторвали и прибили к стенам дома. Осенью местами дырявый водосток был, как обычно, забит приятно пахнущей грязной листвой. Ею хотелось закрыть лицо и пустить залежалый, сладкий запах в легкие, вдохнув полной грудью. Пожалуй, из-за этого я любил осень больше всех остальных времен года.

Я рос в обычной любящей семье. Мои родители вместе работали в одной юридической конторе и имели средний по тем временам заработок, но я не могу сказать, что я в чем-то сильно нуждался. У меня были интересные книжки, игрушки и мячи, которые, благодаря мальчишкам постарше, нередко попадали в соседские окна, машины и, самое страшное, в головы случайных прохожих, оказавшихся не в том месте и не в то время.

В связи с отнимающей почти все свободное время работой родителей большую часть времени я был предоставлен самому себе и старался их не разочаровать и не подорвать доверие к себе. Получалось, к несчастью, не всегда, ведь я, как и все обычные мальчишки, не любил сидеть на месте. Но несмотря ни на что, мои родители любили своего единственного сына и, как, наверное, все родители, иногда баловали меня, хотя порой даже мне казалось, что они перегибали палку.

– Ты мой подарочек от мистера Аиста, – говорила моя мама и начинала сжимать меня в своих стальных объятиях. А мне, само собой, это не нравилось, и я старался как можно скорее убежать обратно на улицу, где мальчишки уже строили домик на дереве из досок, которые они украли со стройки.

Став немного старше, я как-то узнал от отца, что больше завести детей они не могли. Вернее, мама не могла. Что-то с маткой или какими-то узлами. Я не очень хорошо помню, в чем была загвоздка и конкретная причина, но узнав это, я больше не старался убежать от мамы и обнимал ее, когда она вспоминала про мистера Аиста. Даже перед друзьями, после подкалывавшими меня этими «телячьими нежностями», и перед первой девушкой, которую я привел в наш дом. Тогда мне было около семнадцати лет.

Получив положенное мне образование наравне со всеми, я уехал от родителей в другой город и выбрал не совсем обычный способ зарабатывать себе на хлеб. С детства я любил читать про удивительные приключения Шерлока Холмса и Доктора Ватсона.

И если тупые мрази еще не догадались, каким именно трудом я зарабатываю на жалкие крошки, которые даже блохастые коты в ссанных снах отказываются жрать, то мне жаль.

Этот город был не таким тихим, как мой, и вообще не таким, каким я его представлял. Как говорится, не такой, как написано в буклете.

Если сравнивать город с человеком, то это был пожилой, но еще с искоркой в глазах мужчина в майке, потертых джинсах, домашних тапочках, с дешевой сигаретой в зубах и свернутой газетой в левой руке. Такой мужчина, который летом решил сходить в магазин, располагающийся недалеко от дома. У него щетина, потому что ему некогда было бриться, ведь он пил, и от этого у него выросло пусть небольшое, но явно заметное пивное пузо. Может, я и не совсем удачно описал, но мне почему-то кажется, что это именно тот образ, который подошел бы этому городу.

Спустя несколько лет моих родителей не стало. Я постарался отнестись к этому спокойно, ведь все мы когда-нибудь окажемся в том самом деревянном ящике, который будет нам по размеру. Хотя, конечно, я был расстроен. Не очень хочу об этом много вспоминать и давить на жалость, но дело в том, что когда их не стало, я продал наш уютный домик с прогнившими голубыми ставнями и купил себе квартиру в этом желчном, старом, грязном городе. Мог бы не продавать, мог бы вернуться, но тогда потерял бы отличную работу, а это не входило в мои планы.

Итак, мои цели и задачи заключались обычно в том, чтобы найти и поймать плохих парней, которые свернули когда-то не в тот переулок, заговорили не с теми людьми, пожали не ту руку и от которых отказался сам Господь Бог. Я детектив Марк Миткинс. «Миткинс-Шмиткинс».

Так меня частенько называет шеф департамента полиции нашего округа, когда получает вести о том, что чье-то грязное вонючее тельце вспороли ржавым ножом и чья-то соленая кровь забрызгала обои в детской, весьма разочаровав чьего-то несносного маленького спиногрыза, который помогал клеить этих чертовых розовых слонов на эти чертовы стены.

Шеф лишь иногда улыбался, но за двадцать восемь лет службы в департаменте на должности детектива я никогда не видел его таким хмурым, как в тот день.

– Ну что ж, Миткинс. Нашлась наконец-то стоящая работенка для такого скверного старого разгильдяя, как ты, – угрюмо сказал шеф.

– Слушаю вас.

Глава 2

На дворе стоял промозглый туманный ноябрь с его типичным изменчивым настроением. Не помню, когда это произошло, но я успел разлюбить осень. Запах сладкой листвы, тени уходящих дней, наполненных теплыми лучиками солнца, скользящими по окнам и лицам прохожих, торопливое и неуместное предвкушение Нового года... Все это стало даже не второстепенным, а десятистепенным. Так или иначе, этот ноябрь выдался не столько дождливым и зонтильным, сколько суетливым и омерзительно зябким.

Плащи, плохо выполнявшие свое основное предназначение, мало спасали от хитрого холодного осеннего ветерка, который прокрадывался сквозь маленькие щелки в одежде и неприятно морозил теплую плоть. Плащи подводили и сводили на нет авторитет своих производителей.

Хотя какое дело до этого маленькому узкоглазому ублюдку, работающему на старой швейной машинке вместе со своими осиротевшими братьями и сестрами за протухший кусок сэндвича, обглоданного жадными крысами?

Обветшалый пятиэтажный дом, в котором я жил, день ото дня больше напоминал маленькую кирпичную коробку. Где-то в глубинах этой коробки меня ждали кровать с прохладными постиранными простынями и ужин на скорую руку.

Поднимаясь по скрипучей и недовольной, как пожилая дама, лестнице, я в который раз слышал ругань молодой парочки на первом этаже, плач ребенка на втором и громко включенный телевизор на третьем этаже. Как обычно, сосед с третьего этажа Бутч смотрел футбольный матч. Его команда бело-зеленых редко выигрывала, поэтому после игры Бутч частенько навещался в местный паб, надирался там до радужных чертей и по возвращению ругался с женой. Пару раз пришлось даже разбираться с ним, пригрозив пушкой. Последний срыв Бутча был около полугода назад. Думаю, он все понял.

Фанаты, признаться, очень странный народ. Нет, я понимаю, это обидно, когда те, в кого ты веришь, проигрывают десятый раз подряд, но разве это не наталкивает на определенные мысли? Может, нужно перестать давать шансы этой команде и присмотреться к другим ребятам, не истязая каждый раз свою бедную жену?

Эти же мысли, кстати, могли бы посетить и жену Бутча, которого она прощала каждый раз. Но увы...

Моя квартира находилась на четвертом этаже. В соседней квартире жила пара, переехавшая в наш дом год назад. Пара, которая вела себя на удивление скромно. Поначалу это даже казалось немного подозрительным, но мои подозрения развеялись после того, как я узнал, что они врачи и настолько уставали на работе, что у них не то что не оставалось сил на ругань или прочее привлечение моего внимания – они не ели толком и просто-напросто с ног валились. Иногда на выходных они угощали меня своей домашней выпечкой. На прошлой неделе это был небольшой черничный пирог.

– Все-таки мы трудимся на благо общества, Марк. Пусть и в разных сферах, – с улыбкой сказала Маргарет, протягивая мне пирог, тепло пахнувший тестом и чуть кислой черникой.

Чем-то они напоминали мне моих покойных родителей.

Соседи на пятом этаже меня тоже не беспокоили, я плохо был с ними знаком, но не сомневаюсь, что это было к лучшему.

Я только знал, что один парень сверху постоянно был в разъездах по другим городам и странам, отчего мне было немного завидно.

Ведь этот кусок дерьма ни хера не заслуживал поездок за счет своей жалкой малюсенькой конторки, которая вцепилась в его глотку и высасывала из него жизнь капля за каплей. Он путешествовал по миру, торгуя слащавым лицом, рекламируя услуги, от которых всех

тянуло блевать в ближайшее помятое ведро или любую другую емкость. Они все скудно давили улыбки из своих полумертвых лиц, зная, что никто из них уже не выберется из этого колодца смрада.

Я подошел к входной двери и позвонил дважды.

Невыносимо было стоять у собственной квартиры, не имея возможности попасть внутрь, потому что молоденькая проститутка, которая жила у меня, потеряла свой комплект ключей.

Ненавижу ходить в гости и звонить в двери. Такое чувство, что сейчас из двери, словно черт из коробки, выпрыгнет ведущий глупого телешоу для ожиревших любителей провести вечер на диване и, сверкая своими белоснежными жемчужными зубками, поставит меня в центр студии на табуретку, а затем заставит здороваться со всеми и читать речь, которую я забыл. Есть что-то паническое в звонках. Некая тревога. Не люблю это дерьмо. Гостей тоже терпеть не могу. Они, как шумные блохи, прыгают, гогочут и балагурят, а потом уходят, оставляя тебя одного. Одиночество. Все об этом знают, но никто не чувствовал его так, как чувствовал я, будучи окруженным тысячей людей. Многоликая пустота.

Я почувствовал, как Вэлма подошла к двери и, встав на мысочки, посмотрела в дверной глазок. Я очень ценил ее осторожность. Секунду помедлив, она, заскрежедав замками, открыла дверь и сразу же, отвернувшись, ушла обратно вглубь квартиры.

– Чего интересненького? – спросила она, плюхнувшись на диван охрового цвета.

Вэлма постоянно говорила про вещи в уменьшительно-ласкательной форме. Даже на кладбище – гробик, могилка, трупик. Это всегда казалось мне весьма забавным и умильным в какой-то степени.

Ее голос помогал мне расслабиться и понять, что все хорошо, что я в безопасности. Вэлма была хорошей актрисой, однако я все же чувствовал напряженные нотки в ее голосе.

Я снял плащ и повесил его вместе с шарфом и шляпой. Сменив остроносые кожаные черные ботинки на бежевые ортопедические тапочки, я прошел немного вперед к столешнице. Мне нравилась моя просторная квартира без коридоров, в которых некоторые вынуждены существовать, словно усатые тараканы в тоннелях, которые прогрызают они своими маленькими-маленькими жвалами.

Подойдя к столешнице, я взял чайник, наполнил его чуть мутной водой из-под крана, поставил на электрическую плиту и повернулся к Вэлме, скрестив руки на груди.

– Ничего особенного, – ответил я. – Просто будь осторожнее, хорошо? – немного строго спросил я.

– Ты каждый раз это говоришь, старичок, – протяжно сказала Вэлма, уткнувшись в модный журнал и жуя фруктовую жвачку.

– И каждый раз ты вынуждена слушать меня, иначе попадешь в неприятную ситуацию, как уже однажды получилось. Я прав? – спросил я.

– Так точно, красавчик, – ответила она, перелистнув страницу.

Я любил ее отцовской любовью и заботился о ней, как о дочери, которой у меня никогда не было.

Все потому что Она не хотела детей. Я до сих пор помню наш разговор. Вернее, их было много.

Я повернулся обратно к столешнице и положил на нее свои уставшие морщинистые руки, несильно сжав ладони в кулак. Тонкий черный галстук повис, словно поводок. Я ненавидел галстуки. В этом было что-то подчинительное. Будто я чья-то собачка или вроде того. Старая столешница слегка треснула под напором, но по-прежнему верно продолжала стоять.

– Какие у тебя новости? – спросил я.

– Сегодня утром была пара заказиков, но я быстро справилась. Затем пробежалась по магазинчикам, купила себе новые трусики и твои любимые...

– Что у тебя с лицом? – я терпеть не мог, когда кто-либо перебивал меня, но сам охотно перебивал собеседника, кем бы он ни был. К тому же я уже знал, что она купила мои любимые острые крылышки из китайского ресторана напротив нашего дома. Их запах стоял на всю квартиру.

Мой доктор запрещал мне есть острое из-за проблем с печенью, но да пошел он на хер. Никто больше не отнимет у меня то, что я люблю.

Что же касается Вэлмы, то она не просто так отвернулась от меня, когда я вошел, и, посмотрев на ее лицо, я убедился в этом. На ее бархатной щеке красовался еле заметный синячок.

– Ничего, – ответила она, закрыв журнал, и уставившись на меня.

– Не ври мне, – сказал я, подойдя ближе к Вэлме и усевшись на стул напротив нее. – Это один из тех утренних парней постарался?

Грязные ублюдки. Неужели эти мразотные свиньи разучились вести себя галантно с прекрасными женщинами, которые сосут их вялые пенисы за деньги, причмокивая при этом! Ни капли уважения! Хотел бы я двинуть по ебальнику этому мудаку или его мамаше, которая не научила своего задроченного сынка общаться с поистине прекрасной половиной человечества.

– Все хорошо. Правда. Не беспокойся об этом, – она встала и медленно пошла в мою сторону.

– Ты знаешь, как сильно я люблю тебя, Вэлма, – она встала позади меня. – Ты – единственное, что осталось у меня, и я...

Я почувствовал запах ее духов совсем близко. Жгучая вонь острых крылышек улетучилась куда-то, и остался только ее запах. Казалось, в квартире не было ничего больше. В городе не было ничего больше. В мире не было ничего больше. Были я и она, положившая свою руку ко мне на грудь, обнимая меня сзади.

Она пахла кокосом. Эти духи остались у меня после Нее, и на одно прекрасное Рождество я решил подарить их Вэлме. Я помню, как она взяла пузырек своими тонкими аккуратными пальчиками и сразу брызнула ими два раза на шею и один раз на запястье, потеряв запястья друг о друга. Ей тогда было всего 12 лет.

Неудивительно, что духи прослужили так долго, ведь обычно проститутки ими не пользуются. Для проституток придумали дезодоранты, чтобы они не так сильно воняли потом и не тратили слишком много денег. Прижавшись ко мне сзади и сомкнув обе руки на моей груди, она прошептала:

– Я знаю, Марк. Все хорошо.

Тем вечером мы рано легли спать.

Глава 3

Утром я проснулся со слегка отекавшей шеей.

Так как я спал на специальном жестком ортопедическом матрасе и без подушки, я не сильно этому удивился. В легкой полудреме я перевернулся на спину, на несколько секунд остановив свой взгляд на маленькой трещинке на потолке, подвинулся ближе к изголовью и сел. Протерев глаза указательным и большим пальцами левой руки, я окинул взглядом комнату.

Что за вид я лицезрел! Окна были маленькими и годились только грязным засранцам, сидящим в тюрьме с протухшими мозгами в их маленьких серых черепных коробках! Засранцы, я уверен, надеялись на что-то хорошее! Наркоманы и жулики, мошенники и их бляди, накаченные дешевым героином, лежали на скрипучих нарах и выглядели в такие же маленькие окна, какие были у меня в комнате, надеясь на то, что когда-нибудь они выйдут оттуда, замолив свои чертовы грешки! Хер вам всем! Я посадил вас всех! Я насадил ваши души на этот мраморный массивный кол правосудия! Я пожираю ваши души со сладкой овсянкой, но не запоминаю ваши никчемные лица с вонючими ртами, широко раскрытыми в мольбе о прощении! О нет! Я вершу правосудие!

Вэлма спала на соседней кровати и сладко сопела во сне.

У меня была еще одна комната, но, несмотря на это, мы спали вместе в одной. Вэлма не хотела, чтобы я оставлял ее одну, когда она ночевала тут. Так она чувствовала себя в еще большей безопасности, я полагаю.

В соседней комнате лежали большие, неподъемные картонные коробки со старой фарфоровой посудой, отцовские инструменты, раскиданные по специальным чемоданам, семейные фотоальбомы и прочее ненужное никому прошлое.

Я любил смотреть на Вэлму спящую. Не знаю, что на меня находило в такие моменты. Видимо, это все не удовлетворенный в свое время родительский инстинкт. Странно было его чувствовать, зная, чем она занимается.

Странно было вообще то, что я позволял ей этим заниматься. Одно слово – самостоятельность. Она всегда хотела быть независимой, поэтому зарабатывала тем, что умела делать лучше всего. Я, конечно, ее не поддерживал, однако запрещать не было смысла. Тогда мне бы пришлось посадить ее, и я навсегда лишился бы моей маленькой бунтарки. При первой нашей встрече ей было всего-навсего десять лет, и я не думал, что уже в этом возрасте девочки могут прикидываться шестнадцатилетними и делать то, что делала она. О ее зарботке я узнал, когда ей было пятнадцать. Я застукал ее в объятиях прыщавого парня из местного технологического колледжа, который любил совать свои пальцы куда не надо.

К слову сказать, сейчас его тело покоится на городском кладбище. Прошлой зимой он подрабатывал электриком и поджарился на месте, когда залез в щиток одного бара, чтобы устранить неполадки в сети. Это был грустный Новый год для его матери-одиночки.

Тогда, увидев меня, он бросился бежать. Он знал, кто я такой, а я знал, что так быстро бегают только те парни, которые что-то нарушили. Конечно, он и не догадывался о том, что Вэлма была еще несовершеннолетняя. Она умело пользовалась косметикой.

Так или иначе, занимаясь петтингом посреди улицы, можно было схлопотать большой штраф и попасть в базу данных, чего он явно не хотел. Тогда мы с Вэлмой очень долго разговаривали, кричали и даже разбили дешевый, но неплохой сервиз. Бессмысленные жертвы в виде белых фарфоровых чашечек с ласточками у краев и таких же красивых блюдец. Это был ценный опыт в воспитании и для меня, и, надеюсь, для нее.

Я ничего не знал о ее родителях и никогда не спрашивал ее об этом. В конце концов, раз уж она от них ушла, они не были ей хорошими родителями. Это единственное, что я знал наверняка.

Ее тело было накрыто одеялом, но пяточки игриво выглядывали наружу. Понятия не имею, как в такую жару она могла спать под одеялом.

Я был влюблен в ее рыжие густые вьющиеся волосы. Она как-то хотела подстричься налысо и, пожалуй, этот бой я выиграл, но надолго ли? Она выглядела как обычная молоденькая озорная девчонка, которая позволяла партнеру на первом свидании не только поцелуи. Моя маленькая бунтарка могла влюбить в себя любого. Особенно когда улыбалась, немного обнажая белоснежные зубы, и на ее слегка веснушчатых щечках появлялись маленькие ямочки. Ее голубые глаза всегда блестели тем огоньком, который был у Нее. Скорее всего, именно поэтому я ее приютил. Повторюсь, но Вэлма была хорошей актрисой и улыбалась она часто, вне зависимости от того, что она чувствовала внутри.

Я посмотрел на свои ноги, которые понемногу начинали преть. Они были накрыты старой белой простыней, и я хотел поскорее от нее избавиться и принять душ.

Однако моя лень, похоже, проснулась сегодня раньше меня, и я решил еще немного посидеть в кровати. В конце концов, я проснулся раньше положенного и мог позволить себе двенадцать минут строить четкий план на сегодняшний день, хотя по опыту я знал, что обычно все шло не так, как запланировано. Именно поэтому я должен был быть готовым ко всему. Работа такая.

Глава 4

Приняв душ, я вышел в гостиную-столовую в одном полотенце.

Вэлма все еще спала, поэтому я мог позволить себе немного наготы. Зайдя в комнату на цыпочках, достал из шкафа постиранные черные трусы и вышел обратно в гостиную. Быстро скинув с себя синее банное полотенце, я, опасаясь быть замеченным в чем мать родила, шустро надел трусы и специальные подштанники серого цвета, которые Вэлма купила мне там же, где и ортопедические тапочки. В них было удобно и в них не мерзли ноги. Что еще надо старому человеку... Затем я надел белую майку и принялся готовить завтрак.

С утра мой желудок не просил много еды, поэтому я решил приготовить легкий сэндвич с курицей и салатом. А запить это я хотел индийским фруктовым чаем, который я купил недавно у торгашей на рынке. Не уверен, что они были индийцы, но точка на лбу была, а значит, они как минимум старались быть похожими на тех, за кого они себя выдавали.

Рынки – это спасение для таких, как я, и, возможно, для всех тех, кто не хочет гнаться за маркой. Им нужен качественный и свежий продукт, от которого не станет плохо и желудок не будет звучать, как тысяча обозлившихся динозавров. С другой стороны, рынок рынку рознь, так что нельзя быть на сто процентов уверенным, что товар качественный. Все дело в том, что, если продукт все-таки окажется некачественным, я знаю, что именно тот продавец, который мне его продал, понесет должное наказание. А ругаться и судиться с крупными компаниями – дело гиблое. Особенно в нашем городе, где, чтобы что-то кому-то доказать, нужно заполнить кучу бумаг. Проще прийти на рынок и двинуть продавцу по шапке.

Плотно позавтракав и убрав за собой посуду в раковину, я подошел к гардеробу возле входной двери и достал комплект вещей, который был приготовлен на будний день. Комплекты одежды были одинаковыми для всех пяти рабочих дней недели: темно-синие брюки, белая сорочка с тонкими вертикальными синими полосками, тонкий черный галстук, кожаный ремень, черные носки, остроносые черные кожаные ботинки, которые обошлись мне в кругленькую сумму, черный длинный плащ, который выбрала Вэлма, портфель, шарф и, наконец, зонт. На улице понемногу появлялось солнце и небо было не полностью заполнено облаками, но я знал, как переменчива погода в этом городе, и решил все-таки его взять.

Спускаясь по лестнице, я не слышал ни единого шороха, кроме скрипящих половиц и ступенек. Утро в моем доме обычно было великолепным и радовало меня своей тишиной – за исключением нескольких моментов. Однажды грабители залезли в квартиру на первом этаже. Как ни странно, но они планировали именно утреннее ограбление. Что за идиоты! Конечно, полиция явилась быстро и задержала их, а одному из этих ребят я даже умудрился прострелить ляжку. Бывает еще, что ребенок плачет, но это, по сути, не так страшно. По крайней мере для меня.

Выйдя на улицу, я огляделся по сторонам и взглянул на солнце из-под полей своей шляпы. Там, где всходило солнце, небо было алым вперемешку с розовым, и я вспомнил, как отец говорил мне: «Красно небо поутру – моряку не по нутру». Была еще и вторая часть, но она была не столь важна сейчас. Я немного прищурился и поправил шарф. Мой отец служил в Морфлоте и даже бывал как-то на Северном полюсе. Он мало про это рассказывал, не знаю почему. Может, он убил там кого-то, а может, там было настолько скучно, что не было смысла об этом трепаться. Хотя, если верить фотографиям, там было бы здорово побывать – увидеть все эти северные сияния на небе и прочие дивные красоты природы.

В конце концов, самым замечательным на севере было то, что там тихо и безлюдно.

Я снова огляделся по сторонам и встретился взглядом с Ларией.

Лария была моя старая знакомая, с которой у меня что-то было в молодости, когда я только приехал в город. Я не очень любил вспоминать ее. Не то чтобы она меня не устраи-

вала или я ее терпеть не мог, просто в этом не было необходимости, а тратить время на воспоминания, которые не приносили бы мне радости, я не хотел.

Мы перестали общаться с тех пор, как я посадил ее мужа в тюрьму за продажу наркотиков старшекласникам.

Этот ублюдок возомнил себя охувшим наркодилером и решил подзаработать на сраных детишках немного денег, чтобы потом пропить их со своей жирной женой Ларией! Меня всегда бесило ее имя, потому что оно говорилось с ударением на первый слог, а меня так и подмывало называть ее шмарой, которая кормит своего мужа-наркомана! Я надеюсь, его трахают в жопу в тюрьме! Я надеюсь, ему это успело понравиться, ведь ему сидеть там еще очень долго!

Мы и до этого мало общались. Она уезжала на какое-то время, затем вернулась, а затем снова уехала. Как-то раз я встретил ее в компании пьяной цыганки. Тогда Лария посмотрела на меня не очень доброжелательно и что-то прошептала своей собеседнице. Та громко засмеялась, но я не придал этому значения. Быть может, она хотела навести на меня порчу или проклятие. Собственно, я никогда не верил во все эти заклинания и прочую мистику. Я верил в себя и в Вэлму, которая помогала мне как могла.

Продолжая смотреть на Ларию, но делая вид, что не замечаю ее, я заметил, что она сильно похудела. Я остановил на ней свой взгляд и слегка нахмурил брови. Она стояла на остановке и ждала автобус, чтобы попасть на работу. Лария работала упаковщицей в мясной лавке, и, если честно, эту женщину я бы ни за что на свете не подпустил к пище. После того как ее Энтони оказался за решеткой, она совсем перестала за собой следить. Видимо, поэтому и похудела. Ее кожа приобрела болезненный бледно-желтый оттенок, а под глазами появились постоянные светло-фиолетовые мешки. Последний раз я видел ее около месяца назад. Прошептав что-то, глядя мне в глаза и стиснув зубы, она взяла сумки и пошла пешком. Что ж, вольному воля. Спустя еще несколько секунд я направился в сторону департамента.

У меня не было автомобиля, а от предоставляемого каждому детективу транспорта я отказался. Так я чувствовал себя более молодым и приземленным.

Не как эти долбанные жирные свиньи в чинах, которые готовы были на все, чтобы их полугнилые складки возили по городу! Я хотел быть ближе к народу. Ближе к этой грязи и сырости, в которой я жил и к которой успел адаптироваться. Мои легкие были пропитаны всей этой болотной вонью. Мои глаза стали плохо видеть, и мне приходилось иногда носить круглые очки, будто я слепой мудака, который дронит на галактических красоток из комиксов про супергероев! И только мой нюх никуда не делся... О нет... Я всегда знал, что за кусок дерьма передо мной. Я знал и чувствовал его страх. Я чувствовал, как бьется его крохотное жалкое сердце и как потеют его грешные руки!

К тому же я жил не так далеко от департамента и не нуждался в подобного рода вещах. Свернув налево на перекрестке, я через несколько минут оказался у департамента.

Глава 5

В департаменте стояла необычная суета, и воздух был ощутимо спертым.

Такая суета в последний раз была, когда очередной психопат зарезал маленькую семилетнюю девочку в лесу, выпустив ей все внутренности и подвесив ее тело на суку. Психопатом оказался студент медицинского института, который приехал в наш город на практику. Самое ироничное было то, что он пробыл здесь всего каких-то пару недель. Особенно иронию оценили родители девочки.

Обычно такая суета означает, что репортеры звонят всем свободным полицейским и расспрашивают их о случившемся происшествии. Подозрительно, что репортеры узнают об убийствах быстрее, чем мы. Такое чувство, что некоторые из них – самые бесстрашные маньяки, которые сначала убивают людей, затем скидывают вину на других и затем делают из этого хит.

Но самое главное то, что такая суета означает, что руководство проверяет каждый шаг и следит за всеми действиями каждого полицейского, которые должны быть совершены мгновенно. А это, само собой, нагнетает обстановку. Честно говоря, я очень не хотел, чтобы случилось очередное жестокое убийство. За двадцать восемь лет привыкаешь ко всему, конечно, но все же мне, в моем возрасте, хотелось немного спокойствия и тишины.

Мне по-прежнему немного ломило шею, и я постарался размять мышцы, чтобы боль прошла, сделав пару вращений головой в стороны.

«Наверное, продуло», – подумал я. Собственно, это было единственное логичное объяснение. Поднявшись на второй этаж, я подошел поздороваться с одним молодым полицейским, которого недавно повысили и перевели на второй этаж. Он был моими глазами и ушами в департаменте. Его звали Билли. Приятный молодой человек, который раньше жил на ранчо с отцом и выбился в люди, перебравшись в город. Не самый лучший вариант, но это лучше, чем пороссятам хвосты крутить.

– Привет, Билли, – поздоровался я и пожал ему руку, немного присев на его стол. – Что за суета, скажи-ка мне?

– Убийство, Марк, – ответил Билли, повернувшись на кресле ко мне. – Похоже, что-то серьезное. Шеф у себя, – Билл махнул в сторону кабинета.

– Ясно. Спасибо, сынок, – сказал я, похлопав его по плечу, и, пройдя мимо остальных товарищей по службе, приблизился к кабинету шефа. Постучав два раза, не дожидаясь разрешения, я зашел внутрь, аккуратно закрыв за собой дверь.

Шеф лишь иногда улыбался, но за двадцать восемь лет службы в департаменте на должности детектива я никогда не видел его таким хмурым, как в тот день.

– Ну что ж, Миткинс. Нашлась наконец-то стоящая работенка для такого скверного старого разгильдяя, как ты, – угрюмо сказал шеф.

Что? Как ты, старый хрен, посмел назвать меня, работающего на блядское благо этого умирающего и задыхающегося в собственных испарениях человечества, разгильдяем?! Чмо...

– Слушаю вас.

Шеф сидел на высоком кожаном коричневом кресле и, пожалуй, это была единственная дорогая вещь в его кабинете. Он не смотрел на меня, а ковырялся в своих старых пальцах.

Я уважал шефа. Когда-то он был славным прокурором, пытающимся защитить невинных и наказать виновных. Строгий, но справедливый. Когда я приехал сюда и начал работать здесь, я очень хотел стать похожим на него. Надеюсь, у меня это получилось.

Стол, стоявший у него в кабинете, был обычный деревянный стол для переговоров каштанового цвета, Т-образной формы, и шеф сидел во главе этого стола. Вокруг стола сто-

яло шесть дешевых деревянных стульев, по три на каждую сторону. Я сел на самый дальний от шефа, поближе к выходу, и почувствовал, что ножки немного съехали в сторону. Этому стулу недолго оставалось. Мне не очень нравился кабинет шефа. Он был ничем не приметный, в плохом смысле этого слова: серые стены, на которых ничего не висело, кроме портрета президента, окна с вечно закрытыми или с полуоткрытыми шторами, две лампочки на потолке с дешевыми пластиковыми белыми абажурами. Шеф одевался слишком легко, хотя в кабинете было прохладно.

– Ты помнишь Пьяного Джо? – спросил шеф.

Я знал, что это был риторический вопрос, поэтому решил немного помедлить с ответом, чтобы подумать, почему он спросил это. На время своей кончины Пьяный Джо был старым толстым мафиози, который был виновен в Ее смерти. Я давно о нем ничего не слышал.

Никогда не забуду его отожравшуюся морду в тот день, когда вершился суд, после которого он вышел свободным человеком с довольной улыбкой на лице.

Тогда он был еще относительно молодым. Я пытался догадаться, о чем будет идти речь дальше, но ни одна мысль меня так и не посетила.

– Ты ведь помнишь, Марк? – снова спросил шеф, на миг взглянув на меня, подняв брови так, что были заметны все его морщинки и маленькие старческие веснушки на лбу.

Видимо, я слишком долго думал над ответом. Я кашлянул.

Он редко называл меня по имени. Меня это насторожило.

– Это было семь лет назад, шеф, – ответил я, положив ногу на ногу.

– Да, – шеф взял дешевую ручку и, немного покрутив ее, положил обратно на стол. – Я знаю, что прошло уже семь лет.

Шеф откинулся назад, наклонился вправо к выдвижному ящику стола и достал белую папку. Она была с несколькими фотографиями, немного вылезавшими изнутри, и очень тонкая, а это значило, что мне придется наполнить ее уликами, писаниной, докладами и сделать из нее в итоге толстую папку, которую затем уберут в архив. Шеф подтолкнул папку в мою сторону, и она, прошуршав, подъехала ко мне. Я положил на нее руку.

– В чем суть дела? – спросил я.

Шеф секунду помолчал, затем пару раз постучал пальцами по столу и посмотрел на меня. Несмотря на то, что он был старше меня, да и вообще старым, его взгляд всегда был прямым, хладнокровным и сильным. Был еще порох в пороховницах, черт возьми.

– С тобой поедут Гарри и Крис, – отрезал шеф. – Ты их знаешь. Они уже должны ждать тебя на улице. Ступай.

Секунду помолчав, я спросил:

– Дополнительные инструкции будут?

– Все, что тебе надо знать – в папке, Миткинс, – сказал он и повернулся на кресле в сторону окна. Я видел его седые виски и небольшую проплешину на затылке. – Ступай.

Глава 6

Я вышел из кабинета и решил немного постоять возле двери в кабинет шефа. Суэта понемногу перебиралась на второй этаж. Билли что-то строчил на компьютере, периодически снимая трубку и кладя ее обратно. Это были журналисты. Кто-то надевал кобуру и ехал патрулировать город, кто-то, торопясь, выезжал на вызов.

Я посмотрел на папку, подняв ее на уровень живота. Мне не хотелось пока ее открывать. Иначе чем я буду заниматься в машине по дороге туда, куда я сам не знаю? Спустившись на первый этаж, я поздоровался с молодой офицершей полиции, которая поднималась наверх, а затем заметил худощавого неказистого паренька в черной кожаной куртке, который что-то спрашивал у полицейского в приемном отделе. Он был явно не местный, но кого-то напоминал мне. Мне показалось, что раньше я знал его.

Я вышел на улицу и спустился с больших бетонных ступеней, которые вели ко входу в департамент. Солнце виновато зашло за облака, и холодный сквознячок прошелся по улице.

Мимо меня прошла женщина с коляской. На ней было черное теплое пальто и небольшая стильная темно-зеленая шляпка. У нее были стройные ноги и заспанные глаза. Больше в ней не было ничего примечательного. А вот в красном воздушном шарике, плывшем по воздуху за коляской – было. Шарик был окрашен в цвет паники и страсти, опасности и наслаждения. Я любил красный цвет. Таким цветом Она красила губы.

Вдохнув во всю грудь и пустив в теплые легкие немного обжигающий холодный воздух ноября, успевший мне приесться, я посмотрел вперед. Впереди была дорога, ведущая прямо, никуда не сворачивающая. Она была похожа на реку, по берегам которой стояли малоэтажные дома и по которой люди сплавлялись на работу, а затем обратно домой. Солнце уже взошло, и я решил отметить это, выкурив сигарету. Врачи не рекомендовали мне курить, но пошли они на хер.

Я достал сигареты, спички и закурил. В воздухе на секунду почувствовался уже родной запах серы.

Затянулся. Сладкий-сладкий сигаретный дым окутывал мои старые-старые легкие и медленно, неохотно выходил наружу. Вдох. Выдох. Мне нужен был перерыв.

– Марк, дружище! – раздался голос Гарри, перебивая мои размышления о людях, лодках и прочей ерунде.

Гарри был весьма дружелюбным молодым офицером, и мне очень нравился его подход к работе. Он мне чем-то напоминал меня в молодости. Гарри был одним из тех людей, которые умеют быстро располагать к себе и за счет этого очень быстро добиваются таких высот, каких захотят. Я улыбнулся при виде него и переложил папку из правой руки в левую.

– Здравствуй, Гарри, – поздоровался я, зажав сигарету губами.

Мы пожали руки.

– Вы готовы ехать, Марк? – спросил он. – Нам лучше поторопиться. Говорят, там произошло нечто грандиозное, – сказал Гарри, разводя руки и показывая что-то большое. Обычно молодые парни так показывают, когда видят упругую и большую попку смазливой девушки, о которой они рассказывают.

Вру, так делают не только молодые люди. Старики делают это намного чаще, вспоминая бурную молодость, если такую им довелось пережить.

– Я всегда готов, друг мой, – ответил я. – Где Крис?

– Он сидит в машине и следит за рацией, – Гарри показал большим пальцем себе за спину.

– Хорошо. Пойдем, – сказал я, потушив сигарету о столбик возле парковки и кинув окурок там же, где лежало еще около пяти бычков.

Машина была припаркована недалеко от департамента, на противоположной улице возле продуктового магазина. Я знал его управляющего. У него была дочь, ровесница Вэлмы. Они с ней даже учились в одной школе, но ни управляющий, ни его дочь не знали, чем занимается моя маленькая бунтарка. Она была крайне осторожна и в основном не общалась с теми людьми, кого я знал лично.

Мы сели в машину, закрыли двери, и я молча пожал руку Крису. Мы кивнули друг другу в знак приветствия.

Машина завелась резво и без нареканий, несмотря на то, что это был старенький Форд с потертым кожаным салоном и большим зеркалом заднего вида. Машина была очень харизматичная, со своим ощутимым шармом. Также она могла разогнаться до ста миль в час за несколько секунд. Этим она нравилась мне еще больше.

Мы выехали на дорогу.

– Куда мы направляемся, Гарри? – спросил я, нагнувшись немного вперед с заднего сиденья, чтобы лучше слышать.

– Вы разве не знаете? Не похоже на вас, – удивился он, так и не ответив мне.

Ненавижу, когда отвечают вопросом на вопрос, хотя очень часто делаю то же самое. По сути можно спросить: «Могу ли я ответить вопросом на ваш вопрос?». И это и будет ответом на вопрос собеседника. Все. Дальше можно молча смотреть на него с каменным лицом и ждать, когда он поймет, в чем дело. Так можно поступать тогда, когда собеседник задает глупые вопросы. К сожалению, люди частенько это делают.

Гарри был хороший парень, но мне пришлось немного его приструнить.

– Я, кажется, вопрос задал, Гарри, – серьезно сказал я, немного приподняв брови, высматривая его глаза в зеркале заднего вида. Мы встретились взглядами.

Он секунду помолчал, осознав, что немного неправильно себя повел.

– Мы направляемся в поместье Клары Флаверс на западном побережье, Марк, – наконец ответил Гарри.

Клара Флаверс.

Черт, я помнил эту суку. Она была женой Пьяного Джо. До того как он сделал ей предложение, Клара была Ее подругой. Она предала Ее из-за денег и власти. Я уверен, что она не колебалась, когда делала выбор между справедливостью и сладкой зеленой хрустящей наживой. Я крайне не хотел снова с ней общаться.

Я почувствовал, что от предстоящей встречи с Klarой мое сердце стало биться глуше, осторожнее, медленнее. Участилось дыхание. Я непроизвольно стал перебирать согнутыми пальцами, почесывая ладони. Всегда так делал, когда немного нервничал – помогало собраться с мыслями. Мы стояли в пробке. Я посмотрел в окно, рядом с которым сидел. Серый пейзаж из домов, школ, комбинатов, магазинов, освещаемый золотым светом солнца, иногда прятавшимся за облака. Затем посмотрел в противоположное окно. То же самое. Везде было одно и то же. Мне захотелось на воздух. Я был бы не против оказаться сейчас на Северном полюсе, даже в той одежде, в которой я сейчас был. Я приоткрыл окно, и холодный ветерок приятно обдал мое лицо, слегка обморозив уши. Я закрыл окно, и мне стало жарко и холодно одновременно. Меня охватил неприятный озноб, но это продолжалось недолго. Возраст. Я взял себя в руки и не подал виду, что мне нехорошо. Я очень не хотел сталкиваться с прошлым, но это, очевидно, было неминуемо.

Я посмотрел на сиденье и понял, что до сих пор не открыл папку. Она лежала рядом и будто шептала: «Марк, я совсем рядом. Открой меня, дорогой». Я предчувствовал, что в ней находится нечто ужасное, но это нечто мне бы очень понравилось. Я не был любителем смотреть на некоторого рода мерзости, но когда видишь что-то, от чего может начаться рвотный рефлекс, очень часто, начинаешь не отворачиваться и не жмуриться, а сравнивать и в конце концов привыкаешь. Ко всему можно привыкнуть, это верно.

Мы проехали еще немного вперед и остановились на светофоре. Только я протянул руку к папке, как вдруг меня прижало к сиденью. Гарри резко нажал на газ, включив сирену. Ему надоело стоять. Я не любил такие лихачества и предпочитал добираться до места целым и невредимым, без неоправданного риска для собственного здоровья, но в глубине души мне хотелось поскорее добраться до особняка Флаверс и взглянуть, что же все-таки произошло. Чертово любопытство частенько брало верх надо мной.

Однако мне все же следовало подготовиться. Я взял в левую руку папку и положил ее к себе на колени, проведя по ней правой рукой, словно изображая чародея, который может догадаться о том, что внутри. Открыв папку, я увидел черно-белые фотографии, которые были сложены в аккуратную стопочку. На первой фотографии было изображено обожженное женское тело, лежащее на кровати с расколотой пополам головой. Обожженное женское тело. На моем лице появилась нервная ухмылка.

Глава 7

– Клянетесь ли вы говорить правду и ничего кроме правды? – спросила судья Джулия.

– Клянусь, ваша честь, – ответила Клара, как в фильме.

– Прошу всех садиться, – звенящим голосом сказала молодая ассистентка судьи.

Ложь. Все знали, что она будет лгать и прикрывать Пьяного Джо. Даже судья знала, но ничего не могла поделать. Вернее, не то чтобы не могла, а не хотела. Пьяный Джо был ее племянником. Про это знали немногие, но я знал это.

Для всех непосвященных жителей города, которым было все равно, судья Джулия была сиротой, приехавшей в этот славный город порока из Канзаса. На самом же деле она всегда жила здесь и благодаря своему папочке, который держал всех жителей в ежовых рукавицах и был главным мафиози в городе, получила новое прошлое. Старое было заляпано грязным криминалом и дешевыми наркотиками. Ее сестра, мать Пьяного Джо, скончалась при родах, и маленький Пьяный Джо остался на воспитание своему деду. Возможно, поэтому он стал таким же бандитом. Правда, косячил он намного больше, чем Старый Дон.

Так все его называли. Он занимался не только нелегальным бизнесом. Скажем так, он с него начал, а затем, с возрастом, занялся другим, более спокойным делом. Владельцы ярмарок, магазинов, да и практически все начинающие предприниматели этого города проходили через финансирование Старого Дона. Он участвовал в их развитии, и затем они отдавали ему определенный процент с продаж. Люди Старого Джо, которые приезжали забирать этот процент, действовали очень тихо и, как ни странно, по-человечески. Если человек не мог заплатить, они давали ему определенное время для того, чтобы вернуть долг, и, если он и к этому времени его не возвращал, они не громили его лавку и не избивали должника, а предлагали продать бизнес Старому Дону. В большинстве случаев люди соглашались, и все мирно решалось в кратчайшие сроки.

Когда Старого Дона не стало, Пьяный Джо продал все, распустил людей и жил в свое удовольствие. Он не хотел заниматься бумажной рутинной, ведь это отвлекало бы его от шлюх, выпивки и наркотиков. Свое прозвище Пьяный Джо получил, когда сбил двух пешеходов в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Самое интересное, что он был оправдан. Конечно, люди немного возмутились, но не хотели идти против него. Наверное, каждый подумал: «Один я ничего не исправлю», – и все так и замялось и забылось.

Был теплый осенний денек, Клара сидела на месте опрашиваемого свидетеля в новой розовой вязаной кофточке и джинсовой куртке, поблескивая новым бриллиантовым кольцом. Ее челюсть двигалась спокойно, жуя жвачку. Светлые волосы были заплетены в хвостик. Всем своим видом она создавала иллюзию спокойствия и невинности с небольшим оттенком испуга.

Я сидел на последней скамейке, стараясь не выдать себя, и наблюдал за процессом. На мне была коричневая кожаная куртка, какой-то свитер и темные джинсы. Мне было заранее известно, как закончится суд, но все же я надеялся на то, что у Клары хватит мозгов не быть продажной шлюхой и она не станет скрывать, что Пьяный Джо убил ее лучшую подругу. И мою единственную любовь. Я старался не смотреть на Клару.

– Адвокат Пэлмс, вы можете опросить свидетеля, – сказала судья Джулия, надев очки и посмотрев на высокого адвоката в бежевом пиджаке с прилизанными черными волосами, который, улыбаясь, встал со стула и направлялся в центр сцены этого спектакля.

– Благодарю вас, ваша честь. Итак, Клара Флаверс, – он медленно направлялся в сторону Клары, держа в руках ручку и блокнот. – Вы утверждаете, что были вместе с потерпевшей в ночь с пятницы на субботу в клубе «Плохие Морпехи»? – спросил он, готовясь записывать.

– Я ничего не утверждаю, – Клара косо поглядела на судью. – Но мы были там с потерпевшей.

После этих слов Клара сделала плохую попытку пустить слезу.

Чертова сука.

– Это и называется «утверждать», моя дорогая, – адвокат Пэлмс снисходительно улыбнулся и развернулся в сторону присяжных заседателей, которые, в свою очередь, уже были подкуплены Пьяным Джо и лишь выжидали.

Пэлмс знал, что с этого дела он поимеет столько денег, сколько хватит ему до конца жизни.

Пэлмс умер через три года после судебного процесса при неизвестных обстоятельствах, оставив после себя двух близняшек и приличную сумму денег.

– Скажите, Клара, вы узнаете этого человека? – спросил Пэлмс.

Он показал на Джо, который сидел на скамейке подсудимых за решеткой. На тот момент Пьяный Джо уже был откормленным боровом со свиной рожей. Он сидел абсолютно спокойно, ведь знал, что выйдет из зала суда с оправдательным приговором.

– Нет, – ответила Клара, покачав головой и соорудив отвратительно невинное личико.

Мне захотелось встать со скамейки и закричать о том, что она врет. Захотелось бежать и ударить Клару по лицу и не прекращать бить, пока ее лицо не превратилось бы в мясную кашу... Но я не мог, и мне ничего больше не оставалось делать, как сжимать свою шапку и зубы, опустив голову.

– Был ли он с вами в ту ночь? – продолжал спрашивать Пэлмс.

– Я же говорю вам, что я его там не видела, – Клара сложила руки на груди.

– Хорошо, Клара. Напомните суду, – Пэлмс сделал задумчивое лицо, – куда вы пошли вместе с потерпевшей после клуба?

Клара на секунду задумалась и немного нахмурила брови. Она поняла, что это мог быть провокационный вопрос.

– Я с потерпевшей никуда после клуба не пошла. Мы разъехались по домам. Я видела, как потерпевшая села в автобус и поехала домой. А потом я узнала, что ее больше нет... – на этот раз попытка пустить слезу у Клары удалась куда лучше.

Адвокат посмотрел на свои поношенные кожаные ботинки, предвкушая шоппинг.

– Прошу суд и присяжных обратить внимание, – он поднял вверх указательный палец и стал смотреть перед собой, – на то, что я задал свидетельнице провокационный вопрос, рискуя честью моего подзащитного. Клара Флаверс действительно не говорила, что происходило после того, как она вместе с потерпевшей вышла из клуба. Следовательно, напоминать было не о чем. Клара Флаверс весь вечер провела с потерпевшей и не видела моего подзащитного, но видела, как та села в автобус. Маршрут автобуса, как всем уже известно, лежит далеко от парка, где была найдена пострадавшая. Одному богу известно, как она туда попала и кто истинный убийца, но мой подзащитный не является виновным. К тому же...

– Протестую, ваша честь! – прогремел голос прокурора. – Адвокат делает преждевременные выводы о том, что его подзащитный невиновен, до того как закончится процесс. К тому же как можно делать какие-то выводы из провокационных вопросов, которые вообще ни капли не провокационные? Адвокат пытается ввести в заблуждение суд и присяжных.

Наконец-то прокурор начал говорить. Единственный человек, которому можно было доверять. Прокурор наверняка был в курсе, что судья и присяжные подкуплены, но он хотя бы делал попытки. Я же продолжал сидеть на месте, словно самый трусливый человек на Земле.

– Протест отклонен, – строго сказала судья Джулия. – Научитесь слушать до конца, товарищ прокурор.

Казалось, она делала все ради того, чтобы поскорее было принято решение об оправдании Пьяного Джо, и мешала каждому, кто попадался на ее пути. Это невыносимо выводило меня из себя. Я видел, как прокурор сжал кулак и посмотрел вниз.

– Слушаюсь, ваша честь.

Адвокат надменно улыбнулся, взглянув на прокурора, и затем продолжил. Дальше все происходило очень быстро и суетливо. Мне было достаточно того, что Клара предала Ее. Я оставался сидеть и наблюдать, как время проходит сквозь мои пальцы, как песок. А со временем сквозь все мое тело проходили Ее радость, Ее смех и Ее взгляд. Спустя десять минут присяжные заседатели ушли в переговорную комнату. Спустя еще десять вернулись и огласили приговор. Он был оправдательным. Для каждого это был не просто приговор. Не просто слова. Для адвоката Пэлмса и Клары это значило, что они теперь обеспечены на всю жизнь. Для Пьяного Джо это означало очередную победу. Для прокурора и меня это означало поражение.

Я навсегда запомнил тот взгляд, который бросил на меня прокурор, когда выходил из зала заседания. Спустя много лет его назначили шефом департамента полиции нашего округа.

Глава 8

Когда мы подъехали к особняку Флаверс, я увидел три полицейские машины и две машины скорой помощи. Возле одной из них стояли два врача, которые следили за пожилой домработницей и давали ей дышать из кислородной маски. Судя по ее лицу, она увидела что-то невероятно страшное и отвратительное. Ее кожа была бледно-зеленая, несмотря на то что она была азиаткой. Домработница тяжело дышала, взявшись за грудь. Мне стало немного не по себе.

Я вышел из автомобиля, закрыл дверь и направился к входной двери. Солнце было за тучами, и было чувство, что скоро пойдет небольшой дождь. Возле входной двери стояли и курили два офицера. Увидев меня, один из них бросил сигарету и принялся докладывать.

– Детектив, я офицер Уильям Шэд, мы тут с семи утра. Приехали по вызову домработницы так быстро, как могли, – доложил он.

Я молча посмотрел на второго офицера. Тот продолжал курить, но спустя несколько секунд затушил сигарету и без малейшего чувства вины нагло смотрел на меня.

– Хорошо, – вздохнув, сказал я. – Давайте заглянем внутрь. У кого-нибудь есть носовой платок или салфетка?

Поерзав во внутреннем кармане куртки, Гарри протянул мне носовой платок. Он был чистым и красивым, с маленькой ласточкой на одном углу и с инициалами на другом. «Наверное, подарок от бабушки», – подумал я.

Мы зашли внутрь, и несмотря на то, что я прикрыл нос, и на то, что особняк был внушительных размеров, трупный запах и запах горелого сладкого мяса проникал в самые отдаленные участки моего мозга, провоцируя вспомнить те фотографии, которые я разглядывал несколько минут назад. В холле были кровавые разводы, которые вели наверх. Мы пошли по их следу.

– Детектив, мы отправили фотографии шефу, старались там ничего не затоптать, – сказал Шэд.

– Я видел фотографии, офицер, – сказал я. – Экспертиза приезжала?

– Они приехали через двадцать минут после нас. Сейчас сидят, перекуривают. Припарковались за домом.

– Похоже, там что-то действительно ужасное, да, парни? – спросил Гарри.

– Не то слово, – ответил Шэд.

Поднявшись по большой мраморной лестнице, мы свернули налево, туда, где были кровавые разводы, и подошли к той самой комнате, которая послужила кому-то площадкой для казни. Мы стояли на пороге и не решались войти. Я опустил голову вниз. Немного закружилась голова, и я почувствовал приступ тошноты. Все-таки трупная вонь имеет свойство вызывать неприятные ощущения в животе. Я закрыл глаза и почувствовал себя очень старым. Старым для всего этого. Я открыл глаза, продолжая смотреть на порог. Как же я хотел увидеть Ее снова. Странно, что я вспомнил о Ней именно сейчас.

Я осторожно толкнул дверь и открыл ее до конца. На полу было очень много крови и много следов. Эти бараны все-таки наследили. Неважно. Это была не моя проблема. Главное, чтобы они не трогали улики.

Я увидел то, что я уже видел на фотографиях, только в цвете. Почувствовал, что слегка ухмыльнулся. Хорошо, что я прикрывал рот и нос платком, иначе это выглядело бы странно.

Комната была весьма просторная, с высоким потолком и большими окнами, которые были занавешены бордовыми занавесками. В центре комнаты стоял небольшой столик, на котором лежала кассета и был рассыпан белый порошок, местами смешанный с кровью, которая, вероятно, брызгала из тел, заливая все подряд несколько часов назад. Возле пра-

вой стенки стояла широкая двуспальная кровать. На полу возле кровати был ковер, также залепанный кровью, а сам пол был из дорогого темного паркета. На потолке висела неуклюже большая хрустальная люстра, которая местами тоже была запачкана кровью. Она была включена. Так было удобнее работать, так как теней получается меньше, если свет идет прямо сверху, и можно было все детально рассмотреть и найти все нужные улики. Я прошел вглубь комнаты.

Клара, вернее, то, что от нее осталось, лежала на этой самой широкой двуспальной кровати с позолоченным изголовьем. Ее голова была расколота пополам. Ее тело обгорело, и она напоминала сильно пригорелый бифштекс, про который забыли повара, оставив его на лишний час в духовке. Голова Клары была повернута в нашу сторону. Ее рот был открыт в ужасной кричащей гримасе. Это было весьма страшно, но я был абсолютно спокоен. Она получила по заслугам, и кто бы это ни сделал, он прикончил ту мразь, которую надо было прикончить еще давным-давно.

Возле ее кровати лежали четыре голых мужчины в неаккуратных позах с завязанными за спиной руками. Видимо, тому, кто это сделал, было все равно, как они будут лежать.

Обычно убийцам с такой фантазией и с настолько повернутой башней не все равно. Все должно было быть стильно и ужасно. Два в одном. Я почувствовал легкое разочарование и тихо цокнул языком.

Посмотрев чуть ниже их животов, я обратил внимание на то, что их гениталии были вырваны под корень и вставлены жертвам в рот. Из того места, откуда они были вырваны, торчали крупные вены и лоскуты мяса. Кровь уже засохла. Я посмотрел на их лица. Веки у них были заклеены и скреплены скобками от степлера.

Странный запах я чувствовал от их тел. Я простоял две минуты на одном месте и принюхивался, отгоняя трупный запах и вспоминая, где я мог слышать этот запах раньше. Я вспомнил. Это было белое вино. Вот та изюминка, о которой я говорил. Белое вино. Мужики с отрезанными членами и заклеенными глазами были облиты белым вином. Неплохо, конечно, но все равно как-то неказисто. Мне почему-то захотелось выпить. Я повернулся к сопровождающим меня офицерам и к Гарри с Крисом.

– Мне кажется, джентльмены, вам стоит выйти на свежий воздух, подышать, – сказал я, улыбнувшись сквозь носовой платок.

Гарри еле заметно понимающе улыбнулся в ответ, зажимая нос влажной салфеткой. Я видел, что его вывернет наружу, если он пробудет здесь еще немного.

– Крис, сходи за кем-нибудь из экспертизы, – попросил я. – Пускай расскажут мне, что они тут нашли.

Гарри, Крис и два офицера вышли из комнаты, оставив меня в ожидании наедине с зажаренной Klarой и мертвыми мужиками с оторванными пенисами. Я присел на корточки, оглядел несчастных, затем прошелся по комнате, осматриваясь по сторонам. Стало немного скучно. На улице начинал идти дождь.

Спустя пару минут я услышал знакомый голос.

– Аппетитный вид, не правда ли? – спросил голос.

Я отвернулся от окна и подошел к входной двери, местами делая широкие шаги, стараясь не запачкать свои ботинки. Я давно не видел старого друга, но обстоятельства были не такими радостными, чтобы можно было шутить. По крайней мере я хотя бы старался выглядеть серьезным, однако в глубине души был очень доволен нашей встречей и тоже хотел немного поязвить.

Мне казалось, что правосудие наконец торжествует.

– Что расскажешь, Брюс? – спросил я.

Мы пожали руки.

Брюс был одет в привычный для него белый халат, на котором виднелись свежие пятна крови. На нем был респиратор, который спасал его от трупных запахов и запахов отрезанных членов. Я даже немного завидовал ему. В левой руке он держал пару перчаток. Брюс чем-то походил на мясника-химика, проводящего ужасные эксперименты.

– Дела неплохие в целом, – ответил он. – Младшая сестра недавно снова вышла замуж, уже успела родить. А ведь еще вчера... – Брюс задумчиво остановился.

Он посмотрел на меня с доброй улыбкой. Сейчас он явно не находился в этой комнате ужасов, но судя по его пропадающей улыбке, он возвращался к реальности, видя мое лицо.

– Так, ладно, Марк. Шутки шутками, а у нас тут пять трупов, – сказал Брюс, кашлянув и пройдя в комнату. – Пока удалось установить личности только троих из них. Это Клара Флаверс, – он показал на обгоревший труп на кровати. – Ее ты можешь наблюдать с расколотой головой, и, пожалуй, это самое удачное решение для изображения похмелья на Хэллоуин. И два филиппинца. Имена ни тебе, ни мне ничего не дадут, поверь. Также есть кое-что еще, но мы пока не знаем, что на ней, – интригуяюще сказал Брюс.

Он подошел к столу, на котором был рассыпан порошок вперемешку с кровью, надел перчатки и взял кассету. Брюс улыбнулся мне через респиратор, и я понял, что его мозг сгенерировал очередную утомительную штуку.

– Разберешься с этим или оставишь дело настоящим профессионалам? – как я и предполагал, пошутил Брюс.

Надоедало иногда знать наперед, что сделает человек.

– Если бы не я, таких профессионалов не было бы, – сказал я, устало вздохнув.

Подмигнув Брюсу, я взял кассету из его рук и повернулся к выходу.

– Марк, еще кое-что, – сказал Брюс. Я повернулся к нему. – Мы с тобой оба знаем, что за женщина была Клара Флаверс, и я знаю, что это личное для тебя, – он немного замялся. – В общем, если что, не забывай, что у тебя есть друзья, Марк.

Я улыбнулся и кивнул Брюсу, показав большой палец. Затем повернулся в сторону выхода и поспешил наружу, на свежий воздух.

Спустившись вниз, я вспомнил, что оставил зонтик в машине, а дождь лил как из ведра. Подложив кассету под плащ, подняв ворот и натянув сильнее шляпу, я пробежал по мокрой лужайке и запрыгнул на заднее сиденье автомобиля. В машине было тепло и пахло свежим кофе.

– Как вы, ребята? – спросил я. – Вид у вас там, наверху, был не очень.

– Ничего, справились, Марк, – ответил Гарри, делая небольшой глоток. – Мы взяли тебе тоже кофе. Если хочешь, бери, – Гарри показал на пластиковый стаканчик, из которого исходил витиеватый кофейный пар.

– Нет, спасибо, я кофе не пью, – сказал я и, сделав небольшую паузу, спросил: – Подбросите меня до дома?

– Не вопрос, Марк, дружище.

Гарри завел машину, поставил свой кофе в подстаканник, и мы тронулись с места.

Я выплянул в окно и посмотрел на особняк Флаверс в последний раз.

Глава 9

– Останови меня возле того магазина, Гарри, – попросил я, показав, какой именно магазин я имел в виду.

– Хорошо, Марк.

Он остановил машину, и я вышел на перекрестке возле электронного магазина, где я собирался купить видеомэгнитофон по дешевке.

Я попрощался с ребятами и пошел в сторону входа в магазин. Дождь к тому времени уже перестал идти, и воздух был наполнен сладким, щекочущим ноздри озоном.

У входа меня встретил молодой паренек лет шестнадцати с кудряшками на голове. Он раздавал листовки.

– Заходите, у нас самые низкие цены на новые телевизоры! – с явным энтузиазмом скандировал он.

Я взял листовку и, не прочитав, положил в карман. В конце концов, чем быстрее закончатся эти листовки, тем быстрее парень уйдет с холодной улицы в помещение.

Внутри магазина было весьма шумно и от этого неуютно. В первую очередь шум создавался из-за старой танцевальной музыки, а во-вторых, из-за того, что магазин был не очень большой, и в нем, ко всему прочему, был ремонт электроники, который сопровождался, как ни странно, в основном стуком.

За кассой стоял мужчина в возрасте около сорока лет, с черной кипой на голове, и читал газету, будто не замечая меня. У него была борода, усы и очки с прямоугольной оправой, которые низко сползли с его большого носа. Одет он был в белую рубашку и в брюки с подтяжками.

Я подошел к нему.

– Чем могу помочь вам? – спросил мужчина, не отрываясь от чтения.

– Не хотите обратить на меня немного своего внимания? – громко спросил я, пытаюсь перекричать музыку и стук в мастерской, щелкнув для надежности пальцами три раза и затем положив руки на прилавок.

На секунду он посмотрел на меня и как ни в чем не бывало продолжил читать газету.

– Обратил. Чем еще могу помочь? – невозмутимо спросил он.

Внезапно шум в ремонтной мастерской прекратился, и я услышал тяжелые шаги, приближающиеся к нам, а затем увидел еще одного еврея, который был намного толще, чем тот, что читал газету. Кроме веса и того, что на толстяке был фартук, они, пожалуй, ничем не отличались друг от друга.

– Здравствуйте, уважаемый, чем могу помочь? – улыбаясь, спросил толстяк.

– Вы – хозяин магазина? – спросил я.

– Да, что-то случилось? – удивленно, но не убирая улыбки с лица, спросил он.

– Ваш сотрудник, – я показал на мужчину у кассы, – назвал вас старым кабаном, который может сделать мне скидку на старые видеомэгнитофоны. Это правда? – спокойно спросил я.

Мужчина, который читал газету, наконец посмотрел на меня и отложил свое чтение. Я в свою очередь посмотрел на него, затем снова на толстяка. Толстяк смотрел на своего партнера.

Возникло то самое молчание, которое всегда происходит перед крупной руганью или перестрелкой.

Толстяк взревел и начал громко кричать высоким тоном на еврея, что стоял за кассой, на непонятном мне языке, облокотившись на прилавок и два раза стукнув по нему кулаком.

Еврей, стоящий на кассе, стал оправдываться на все том же непонятном, кудахчущем языке, показывая сначала на меня, затем обводя руками весь магазин.

Спустя минуту они замолчали.

– Я прошу прощения, уважаемый, за этот маленький беспорядок, – сказал толстяк, снова улыбаясь мне. – Так чем я могу вам помочь в этот прекрасный день?

– Мне нужен работающий, но не дорогой видеоманитофон.

– Какая фирма вас интересует?

– Ты знаешь, дружище, меня интересует работающий видеоманитофон, который стоит в пределах... – я сделал задумчивое лицо. – Одного доллара.

Толстый еврей удивленно охнул, посмотрев на коллегу за кассой.

– К сожалению, у нас нет таких дешевых манитонов, уважаемый, – сказал толстяк, виновато разводя руками.

– Не переживайте, у меня есть скидочная карта, – сказал я и достал удостоверение детектива. – Один доллар, – спокойно повторил я, глядя толстяку в глаза. – Не больше.

Толстяк немного опустил голову и выдохнул. Ему ничего не оставалось, как продать мне видак за один бакс.

– Хорошо, – сказал он уже без улыбки. – Я покажу вам, что у нас есть.

Толстяк ушел на склад. Я снова обратился к мужчине на кассе. Он смотрел на меня, не отводя глаз. Газета исчерпала его интерес, и теперь она мирно лежала на прилавке по его левую руку.

– Это твой брат? – спросил я, кивнув на дверь, за которой скрылся толстяк.

– Да, – ответил он, стоя ровно, словно по ниточке.

Как же банально, когда два еврея начинают вести где-то бизнес, а затем оказывается, что они братья.

– Зачем же ты его так подставляешь?

– Потому что он лишил меня и моего сына дома, и я вынужден был приехать сюда, – он положил руки на прилавок. – Мне здесь не нравится. Я скучаю по своему дому, и мне плевать, как у него идут дела!

– Ясно, – сказал я. – Я тебя понимаю, но ты ведь можешь накопить деньги и уехать отсюда обратно домой.

– Мой брат продал наш дом, а затем наш город разрушили, – сказал он. – Я не могу вернуться домой.

Что?! То есть он утверждает, что его город разрушили, и он винит своего брата за то, что тот чуть ли не спас ему жизнь? Ну не мудака ли он!

– Вы, евреи, смешной народ, – сказал я, ухмыльнувшись, положив правую руку на прилавок. – Получается, что брат приютил тебя и твоего сына у себя, обеспечил работой и средствами для существования, а тебе не хочется ему помочь с работой и тебе плевать, как у него идут дела?

Он ничего не ответил.

Странные и смешные люди.

Спустя несколько секунд толстяк вышел с одним видеоманитофоном и протянул его мне.

– Хороший аппарат. Китайский, но хороший, – промямлил он. – Без вашей скидки стоил бы в десять раз дороже, – с грустной улыбкой заключил он.

Я достал свой кожаный кошелек, протянул ему десять долларов и пожал руку.

– Ты хороший человек, – сказал я толстяку, затем посмотрел на того, что стоял за кассой. – Привыкай, – отрезал я на прощание.

Выйдя из электронного магазина, я взял еще одну листовку у кучерявого паренька и пошел в кафе, где меня ждал мой тайный осведомитель.

Все как в хорошем фильме.

Я прошел несколько улочек вперед и на пешеходном переходе снова увидел женщину с коляской, которую я видел утром возле департамента. Она посмотрела на меня, но не узнала. Наверное, простое совпадение.

После перехода я свернул направо и увидел перед собой то кафе, куда направлялся.

Я не знал, как звали моего осведомителя, да и не хотел знать. Неважно, где и при каких обстоятельствах я с ним познакомился. Важно было только то, что он должен был мне по гроб жизни и выплачивал свой долг самой значимой валютой в мире – информацией.

Я подошел к окну быстрого обслуживания и заказал двойной бургер с мясом и газировку без льда. Схема была очень простая: я делал заказ, а он клал мне в пакет с едой листок бумажки, на котором были написаны люди, которых стоило навестить и взять за яйца. За это я иногда оставлял немного денег сверху.

В этот раз все прошло как обычно, и я направился в более уютное и безлюдное место, чтобы перекусить. Было прохладно, но я знал, что в небольшом центральном парке есть скамейки, возле которых поставили специальные аппараты для обогрева, и теперь там даже зимой было тепло.

Представляю, как были рады бездомные, которые по ночам собирались возле этих лавочек и спали, как котята, прижавшись друг к другу, не замечая запах мочи и спиртовой блевотины на их поношенных лохмотьях.

Я поймал такси и направился в парк. Доехали мы до него быстро. Расплатившись с водителем, я вышел и пошел в сторону парка, высматривая свободную скамейку, на которой сегодня ночью не ночевали бродяги.

Найдя подходящую, я легонько вздрогнул от тепла, исходящего от вертикальных обогревательных аппаратов, стоящих по краям лавочки, сел и раскрыл пакет с едой. Сначала я достал газировку, затем бургер, а пакет отложил на время. Бумажку с именами я решил оставить на потом. Сначала надо было поесть.

Развернув упаковку бургера, я открыл рот и жадно откусил от бургера приличный кусок, тут же начав его пережевывать. Я закрыл глаза, наслаждаясь этой пищей, которую многие даже не осмелятся так назвать. Сочное жареное мясо перекатывалось во рту вместе со сладким горчичным соусом, свежим зеленым салатом и пшеничной булочкой. Я смаковал каждый кусочек, который я буквально отрывал от этого бургера. Я видел, как где-то вдалеке молодая пара играла с ротвейлером и как он приносил им мяч. Погода вновь была хорошая, но трава все еще мокрая после дождя, поэтому ротвейлер иногда смешно поскользывался, тщетно пытаясь затормозить всеми четырьмя лапами.

После того как я справился с отличным бургером, я выпил газировку и выкинул стаканчик и упаковку в мусорку, которая стояла возле скамейки. Сделав это, я открыл пакет, в котором лежала еда, и достал чек. К нему степлером был прикреплен квадратный листочек бумажки, на котором было написано три имени. Я оторвал листочек от чека и выкинул пакет вместе с чеком. Положив листочек в карман плаща, я встал с теплой скамейки и нехотя покинул парк.

Мне повезло, что возле ворот в парк стояло такси. Теперь мне надо было направляться в департамент, чтобы разузнать об этих троих что-нибудь.

По дороге в департамент мы попали в небольшую пробку, и у меня выдался шанс немного покемарить. Я всегда любил поспать немного после того, как плотно поем.

Спустя полчаса мы подъехали к департаменту. Рассчитавшись с водителем, я немного протер глаза и стал подниматься по все тем же старым бетонным ступенькам ко входу внутрь.

Войдя, я заметил, что суeta заметно утихла и я мог спокойно поговорить с одним из координаторов.

Координаторы – это люди, которые отвечали за тех, кто числился на условно-досрочном освобождении, а также следили за трудными подростками, которые не раз попадались с какой-нибудь мелочью. Одним из моих любимых координаторов был Майкл Джарон. Это был коренастый высокий мужчина тридцати двух лет с широкой шеей и мощными плечами, к которому в основном попадали несовершеннолетние хулиганки из местных школ, которые приходили к нему вместе со своими мамами. Бьюсь об заклад, они специально нарушали закон, чтобы пофлиртовать с ним.

Бьюсь об заклад, что мамы этих несносных малолетних шлюшек обрабатывали член Майкла своими губками с такой страстью, с которой они никогда не трахали своих чертовых мужей-алкашей, которые били их каждую пятницу!

Майкл работал на первом этаже, в отдельно отведенном для него закрытом кабинете, в котором он проводил свою воспитательную работу. Подойдя к кабинету, я прислушался, нет ли за дверью никого постороннего, и затем постучал в дверь, дожидаясь ответа.

– Открыто! – послышалось с другой стороны, и я вошел внутрь. Увидев меня, Майкл встал и улыбнулся. Было видно, что он искренне рад меня видеть. – Марк! Давненько ты ко мне не заходил, старый ты черт. Какими судьбами?

Я подошел и пожал ему руку, затем сел на стул и протянул ему бумажку, которую я достал из плаща.

– Нужна твоя помощь, Майкл, – сказал я. – Ты, наверное, слышал о сегодняшнем происшествии?

– Да, что-то слышал, но ты же знаешь, я дальше своих обязанностей не лезу, – сказал он, разведя руками. – Я же знаю, что для этого у нас есть ты, – улыбнувшись, произнес Майкл.

– Да, я тоже это знаю, – согласился я, почесав нос. – В общем, мне нужна какая-либо информация об этих троих.

– Хорошо, сейчас посмотрим, – Майкл стал копаться в компьютере, в то время как я разглядывал его коллекцию книг по психологии в шкафу. – Одного нашел. Жак Сан-Вуэн. Был досрочно освобожден пару месяцев назад, а осудили его за продажу наркотиков и шантаж.

– Это все? – недовольно спросил я.

– Нет, это только по первому. Куда ты так торопишься, Марк! – улыбаясь, воскликнул он. – Сейчас буду искать по остальным двум, подожди.

«Столько книг о псевдонауке. О том, что мы и так знаем и видим. Идиотизм какой-то», – думал я, разглядывая книги и ожидая хоть каких-либо результатов.

– Про остальных двух, к сожалению, ничего нет, Марк, – с поддельным сожалением объявил Майкл, сведя ладони вместе и уставившись на монитор, поджав губы.

– Хорошо. Вернее, ничего хорошего, – сказал я. – Мне нужен адрес того, кого ты нашел.

– Секунду, – он снова стал что-то нажимать на клавиатуре. – Между пятой и тридцать девятой улицей по Оливан авеню, дом пятнадцать.

– Спасибо, – я взял бумажку и положил обратно в карман плаща.

– Не за что. Обращайтесь, если что, детектив, – улыбнувшись в очередной раз, сказал Майкл.

Мы встали, пожали друг другу руки, и я вышел из кабинета.

Жак Сан-Вуэн. Между пятой и тридцать девятой улицей по Оливан авеню, дом пятнадцать.

Отлично, значит, сегодня я еще успею сделать что-то хорошее. Но сперва мне нужно было найти пару полицейских, которые поехали бы со мной на задержание. Или просто проведать. Я все-таки больше надеялся на первый вариант. Подойдя к приемному окну, я попросил свою знакомую Сьюзен предоставить мне четверых свободных полицейских и запросил ордер на обыск по адресу, который дал мне Майкл.

– Хорошо, подождите около десяти минут, – сказала она и отошла, попросив подменить ее.

Я отошел от приемного окна и сел на железную скамейку, которая стояла рядом.

Спустя пятнадцать минут Сьюзен снова показалась в окне и протянула мне бумагу с печатью и подписью шефа.

– Патрульные скоро подъедут, – сказала она. – Ожидайте.

– Спасибо, дорогая, – улыбнувшись, сказал я и отошел от окна, направившись на улицу.

Выйдя из департамента, я не стал спускаться вниз, а достал пачку сигарет и закурил прямо на большом бетонном крыльце. Сейчас я не очень хотел курить, но надо было чем-то себя занять, пока не приехали патрульные.

На улице не было ничего интересного. Суета, мелкие лужицы и люди, которые проходили мимо. Но мне чертовски нравилось, что сейчас ничего интересного не происходило. Это означало, что все тихо, спокойно, и я мог насладиться сигаретой, которую я не сильно хотел курить.

Когда я докурил, я подошел к урне и потушил об нее сигарету, поводя ей об одну из сторон. Затем я выкинул бычок и подошел обратно к дверям департамента. Также на этом бетонном крыльце было шесть массивных колонн, которые держали крышу. Все было очень банально, но в этом был какой-то вкус.

Мне нравились колонны и подобного рода стиль. Он казался мне «правильным». Не знаю, почему именно это слово, но так уж сложилось. Я всегда считал, что колонны в архитектуре означают силу и мощь, что сопоставимо с выражением «мой дом – моя крепость». Быть может, я был прав насчет этого.

Я еще немного походил взад-вперед, когда увидел, как две полицейские машины подъехали к департаменту. Одного офицера я узнал. Это был Уильям Шэд. Он вышел из машины на несколько секунд и помахал мне рукой, подзывая меня. Я спустился вниз по ступеням и сел в его машину на заднее сиденье. На переднем пассажирском сиденье сидел тот офицер, который стоял тогда вместе с Шэдом. Сначала он хотел было уступить мне место, но я отказался. Мне было удобнее на заднем сиденье, потому что оно просторнее.

– Ты знаешь, куда ехать, Шэд? – спросил я.

– Да, диспетчер нам передала координаты. А что там? – спросил Шэд, выезжая на дорогу.

– Пока не знаю, но будьте готовы ко всему.

– Думаю, после особняка Флаверс мы уже ко всему готовы, сэр, – усмехнулся второй офицер.

– Сильно не переживайте. Если что-то там и будет, то всего-навсего наркотики или что-то подобное. Без мокрухи, я уверен, – успокоил я этих двоих.

Глава 10

– Два ножевых ранения в область шеи и одно в область живота, – сказал Дик Ворхилл. Он был одет в голубой комбинезон и белый халат. Дик Ворхилл – главный человек из экспертизы нашего департамента. Он еще тот старый вояка, однако всегда оставался весьма дружелюбным и умел находить время и место для черного юмора. Наверное, от него Брюс подхватит манеру всегда юморить на местах преступления. – Записываешь, Брюс? Ничего не пропустили?

– Да, сэр. Еще следы побоев и сопротивления. Записал.

– Хорошо. Теперь нам нужно положить эту спящую красавицу в самый красивый черный мешок и отвезти в морг. Дальше будем работать там: снимать отпечатки пальцев и тому подобное. Землю тут и так уже затоптали, так что следов мы не найдем.

– Слушаюсь, сэр, – сказал Брюс и пошел к офицерам полиции, чтобы доложить, что они с Диком закончили и можно убирать Ее труп с остывающей земли, которая успела полакомиться Ее кровью.

Мы с Хэнком сидели на капоте полицейской машины в нескольких метрах от Ее тела. Она была прекрасна даже мертвая. Я чувствовал огромный комок в горле: двое полицейских в перчатках подошли к Ней и стали упаковывать Ее в мешок. Я перестал смотреть в их сторону.

Хэнк что-то рассказывал про рыбалку и про то, на что лучше ловить рыбу-меч. Я ничего не слышал. Просто отказывался что-либо слышать и вникать во что-либо, хотя знал, что он хотел помочь, отвлекая меня чем-то другим. Хэнк был моим наставником. Он двадцать лет работал детективом в департаменте и натаскивал меня. Я должен был сменить его через полгода.

Несмотря на то, что я его не вслушивался в его слова, я заметил, что он замолчал. В эту секунду мне показалось, что Хэнк понял, в чем дело.

– Хочешь совет, новичок? – спросил Хэнк.

– Наверное, – промямлил я, посмотрев влево, где увидел, как Ее, упакованную, кладут в машину скорой помощи. Я сжал руки, которые держал в карманах, в кулак.

– Мы не должны поддаваться эмоциям, Марк. Никогда. Даже если мы потеряем всех, кого мы знали и любили, у нас всегда останется завтрашний день, который мы не должны тратить впустую, – Хэнк сделал паузу. – Мы должны служить примером остальным людям, понимаешь? Они должны видеть, что мы непоколебимы. Знаю, это может показаться глупым, но попробуй принимать все плохое, что с тобой случается, как что-то хорошее. Как испытание, с которым тебе ничего не стоит справиться. Закаляй себя потерями, расставаниями, смертью, – пауза. – И тогда ты станешь самым сильным человеком на этой величественной и прекрасной планете, – заключил он и по-дружески хлопнул меня по спине.

Глава 11

Мы остановились, специально немного не доехав до дома Жака, и вышли из машины. На улице начинало темнеть и становилось прохладней. За нами припарковалась еще одна патрульная машина, из нее вышли еще два офицера и подошли ко мне. Один из них представился.

– Офицер Лагридж и офицер Риджес, – представил он своего напарника. – Чем будем полезны?

Мы пожали руки.

– Отлично, – сказал я. – Мне нужно, чтобы кто-нибудь из вас остался в машине и был на подхвате. Пусть это будет Риджес.

– Слушаюсь, сэр, – сказал он и пошел обратно в машину.

– А мы с вами навестим человека по имени Жак Сан-Вуэн, который был досрочно освобожден из тюрьмы и который, похоже, горит явным желанием снова туда попасть. Выдвигаемся.

Дом, в котором жил Жак, был современным, с большими панорамными окнами от пола до потолка. Дом был всего в несколько этажей, но выглядел очень стильно, дорого и оригинально. Чем-то он был похож на огромную стеклянную коробку.

Я был бы не против жить в таком.

На первом этаже дома было кафе, и мы обошли дом, чтобы зайти в подъезд. Двери тоже были стеклянные, и не нужно было звонить в домофон, чтобы их открыть. Зайдя внутрь, мы увидели молодую стройную девушку, которая сидела за офисной стойкой и была в роли консьержа в этом доме. Она болтала со старым охранником и, увидав нас, встала и обратилась к нам вежливым приятным голосом:

– Могу ли я вам чем-то помочь, господа? – с улыбкой спросила она.

У нее был немного усталый вид, и чем-то она напоминала учительницу. Безвкусный серый пиджак с полосками, белая блузка и волосы, собранные в пучок. Типичная училка.

– Да, нам нужен Жак Сан-Вуэн, – сказал я.

– Квартира восемь, третий этаж. Вас проводить, господа?

– Нет, я думаю, мы справимся сами, – обронил я, уходя в сторону лифта. Затем я обратился к офицеру, фамилии которого я так и не узнал: – Ступай на лестницу, отрежешь возможные пути отхода.

– Есть, – сказал он и быстрым шагом пошел в сторону лестницы.

В это время двери лифта открылись, и я увидел мужчину в белом пуховике и синей шапке. Он был в солнцезащитных очках. Увидев нас, он опешил и немного попятился назад к стене. Это явно был наш клиент Жак.

– Жак Сан-Вуэн? – спросил я.

– Нет, – ответил он, продолжая стоять в лифте.

– Предъявите ваши документы.

– Я оставил их дома. Нет, то есть потерял. Я...

– Задержите его! – приказал я Шэду и Лагриджу. Они быстро заскочили в лифт и скрутили Жака. Тот кричал, что мы ошибаемся и что он очень торопится. Так говорили все преступники и наивно думали, что мы слышим это впервые.

– Все понятно, Жак! – прикрикнул я, пытаюсь перекрычать его и заставить слушать меня. – Стой смирно, у нас есть ордер на обыск твоей квартиры, – сказал я, встал в лифт и нажал на кнопку с цифрой три. Лифт закрыл свои двери, заиграла приятная мелодия, и мы плавно стали подниматься вверх. Жак говорил не умолкая, и я пригрозил ему, сказав, что

врежу ему электрошокером по шее, если он не закроет свою пасть. После этого он замолчал и стал громко дышать носом.

Лифт остановился, открыл двери, и мы вчетвером вышли наружу в коридор. Я вышел первым и стал искать квартиру Жака. Она была справа. Шэд и Лагридж вышли следом за мной, волоча Жака, который искал возможность смыться от нас. Мы подошли к его квартире.

– Открывай дверь, Жак.

– Нет у меня ключей, тупой ты ублюдок! – крикнул он мне.

Вдох. Выдох.

Я немного занес кулак и врезал ему по лицу. Он закричал и стал дергаться, но Шэд и Лагридж крепко его держали. Я взял Жака за грудки и, резко дернув на себя, врезал ему лбом по переносице. У него пошла кровь носом.

– Открывай эту чертову дверь! – крикнул я ему.

Он начал плакать. Я посмотрел на Шэда и Лагриджа, которые смотрели на меня с легкой укоризной.

Эти ослы не знают, как нужно обращаться с такими мразями, которые возомнили себя на вершущке мира! Царями! Пусть они смотрят на меня и наслаждаются чертовым шоу!

– Хорошо... Хорошо... – сквозь слезы мямлил Жак. – Ключи у меня в левом кармане куртки, – сказал он, шмыгнув носом, проглотив стук крови.

– Лагридж, достань ключи, – велел я.

Лагридж запустил правую руку в карман куртки Жака и достал оттуда позолоченные ключи, протянув их мне. Я посмотрел на Жака, который стоял на коленях, опустив голову, и пачкал темно-синий ковролин своей кровью.

– Пиздабол чертов, – сказал я, вставляя ключи в замочную скважину.

Открыв дверь, я почувствовал запах, который ожидал почувствовать. Запах травки. Тяжелый аромат. Заглянув внутрь, я увидел ящики для выращивания кустиков марихуаны.

– Наденьте на него наручники и тащите на кухню. Один из вас пусть останется с ним, а второй пока найдет понятых, – приказал я.

– Есть, сэр, – сказали они оба и потащили Жака на кухню, чтобы усадить на барный стул. Надев на Жака наручники, Лагридж побежал за свидетелями.

Я тем временем ходил по квартире, заглядывая в ящики, наблюдая за ростом марихуаны.

– Какой смысл, Жак? – спросил я, открывая очередной ящик. – Какой смысл просидеть за решеткой семь лет и вернуться ради того, чтобы снова сесть?

– Какая теперь разница... – хмуро ответил он.

– И то верно, – согласился я. – На этот раз тебе светит пятнадцать лет.

– Мне все равно.

– И то верно.

Я вышел на балкон. С него я видел, как Лагридж говорит с молодым белым парнем, на котором была надета серая толстовка и джинсы. Похоже, он студент. Паренек, выслушав Лагриджа, пошел с ним, и спустя пару минут я слышал, как Лагридж, идя по коридору, рассказывал парню подробности и вводил в курс дела.

Когда они вошли в квартиру, Жак подал голос.

– Если в суде ты скажешь что-нибудь про меня, я найду и нарежу всю твою семью, недоносок! – вмешался Жак, который решил припугнуть парня. Тот немного опешил и выжидающе посмотрел на меня.

– Не бойся его, сынок. Он пиздабол, – улыбаясь, утешил его я.

Жак замолчал и уставился на паренька. Тот остался.

Спустя полчаса мы закончили и вывели Жака на улицу, усадили в машину к Лагриджу и Риджесу, и Жак поехал в департамент, ожидать суд. А я с чистой душой отправился домой пешком.

Глава 12

Когда я подходил к своему дому, солнце уже зашло за горизонт, оставляя еще немного света тем, кто пока не добрался до нужного пункта назначения. Оно, словно угрюмый путник, сбившись со счета дней, скрылось в своем космическом пристанище и устало желало всем доброй ночи. Но я знал, что оно лишь притворяется. С доброй улыбкой оно уже приветствовало других и освещало путь другим, но уже не нам.

Я свой путь на сегодня закончил там, где планировал, чему был крайне рад, поэтому решил постоять еще немного на улице и выкурить сигаретку. На улице было хорошо. Я оглядел дом. В моей квартире горел приглушенный свет.

«Завтра надо заняться теми двумя, а сегодня я успею только посмотреть кассету», – подумал я и затушил сигарету, выбросив ее в лужу.

Я вновь поднялся по скрипучей лестнице, дошел до старой деревянной двери и позвонил дважды. Я оглянулся по сторонам и увидел, что в одном месте на стене коридора обои уже отклеивались вместе со штукатуркой. «Надо бы что-то с этим сделать», – подумал я и посмотрел на дверь, которую тоже было бы неплохо заменить.

Тишина.

Вэлма слишком долго не открывала дверь. Она должна быть дома. Мне вдруг стало не по себе. Что-то во мне сжалось, и я почувствовал неприятную боль в скулах. Я позвонил еще раз. Дважды. За дверью послышался какой-то шорох, а затем я услышал, как что-то упало и разбилось.

Я начал стучать в дверь. Мне стало дурно. В голове стали появляться те фотографии, только вместо головы Клары я видел обгоревшую голову с вьющимися рыжими волосами, которые небрежно торчали из расколотой головы.

– В-Вэлма! Черт! – кричал я.

Я опять стал заикаться. Эти женщины сведут меня с ума!

Тут замки зазвенели, и приступ паники понемногу стал отступать. Из двери показалась кудрявая рыжая голова.

– Чего ты ломишься как ненормальный, старичок? – удивленно спросила Вэлма.

В этот момент она напомнила мне мою мать.

Всегда, когда она была виновата, она делала так, чтобы виноватыми оказывались другие. Типичная женская черта, однако весьма полезная в мире взрослых. Я стоял, как провинившийся ребенок, и еле сдерживал себя, чтобы не закричать на нее и не ударить кулаком о стену. Я устало вздохнул и молча прошел внутрь. В конце концов, она была жива, и больше не стоило переживать. Вернее, конечно, стоило! Но сейчас все было в порядке, и это было самое главное.

– Что разбилось? – спросил я, снимая плащ.

– Это у соседей опять что-то. Я тоже слышала.

В квартире приятно пахло чем-то сладким. Я не очень любил сладкое, но этот запах мне нравился. Он не был таким приторным. Кажется, это был яблочный пирог. Свет был притушен. Играла приятная медленная музыка без слов.

Вэлма была одета в новое алое платье со слегка вызывающим декольте. Она выглядела шикарно. Ее пышные рыжие вьющиеся волосы манили к себе, и мне хотелось подойти к ней, обнять и уткнуться в них носом.

Она неподвижно стояла возле дивана, и на ее лице читались понимание и уважение ко мне. Она улыбалась. Как же я любил сейчас свою маленькую рыжую бунтарку.

– Ты забыл? – продолжая улыбаться, спросила она.

Обычно когда женщины говорят такое в таких обстоятельствах, у мужчин случается микроинсульт, и они начинают судорожно вспоминать, какой сейчас год, месяц, число и день недели, и что же такое могло происходить год, два, пять, десять лет подряд. Почему именно в этот день он находится в такой праздничной обстановке рядом с невероятно красивой женщиной, которая спрашивает: «Ты забыл?»

Я вспомнил. Опустив голову, я подошел к Вэлме, обнял ее и охотно уткнулся носом в ее потрясающие волосы, как пугливый щенок утыкается в грудь своей мамы-собаки.

Глупо было забывать про свой день рождения второй год подряд. Я очень устал. Она снова пахла кокосом. Мой живот немного свело от этого запаха, и в висках стало давить. Сейчас, когда я был дома в тепле и уюте со своей маленькой бунтаркой, мне хотелось проявить минутную мужскую слабость и проронить слезу после сегодняшнего зрелища в особняке Флаверс и ото всех воспоминаний о Ней.

– С днем рождения, красавчик, – прошептала Вэлма.

– Я люблю тебя, Вэлма, – прошептал я, на секунду обняв ее чуть крепче.

– Я знаю, – она отстранилась от меня, чтобы видеть меня, и положила руки ко мне на плечи. Я положил свои руки ей на талию, и мы стали медленно танцевать под приятный джазовый аккомпанемент. – Я приготовила яблочный пирог с корицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.